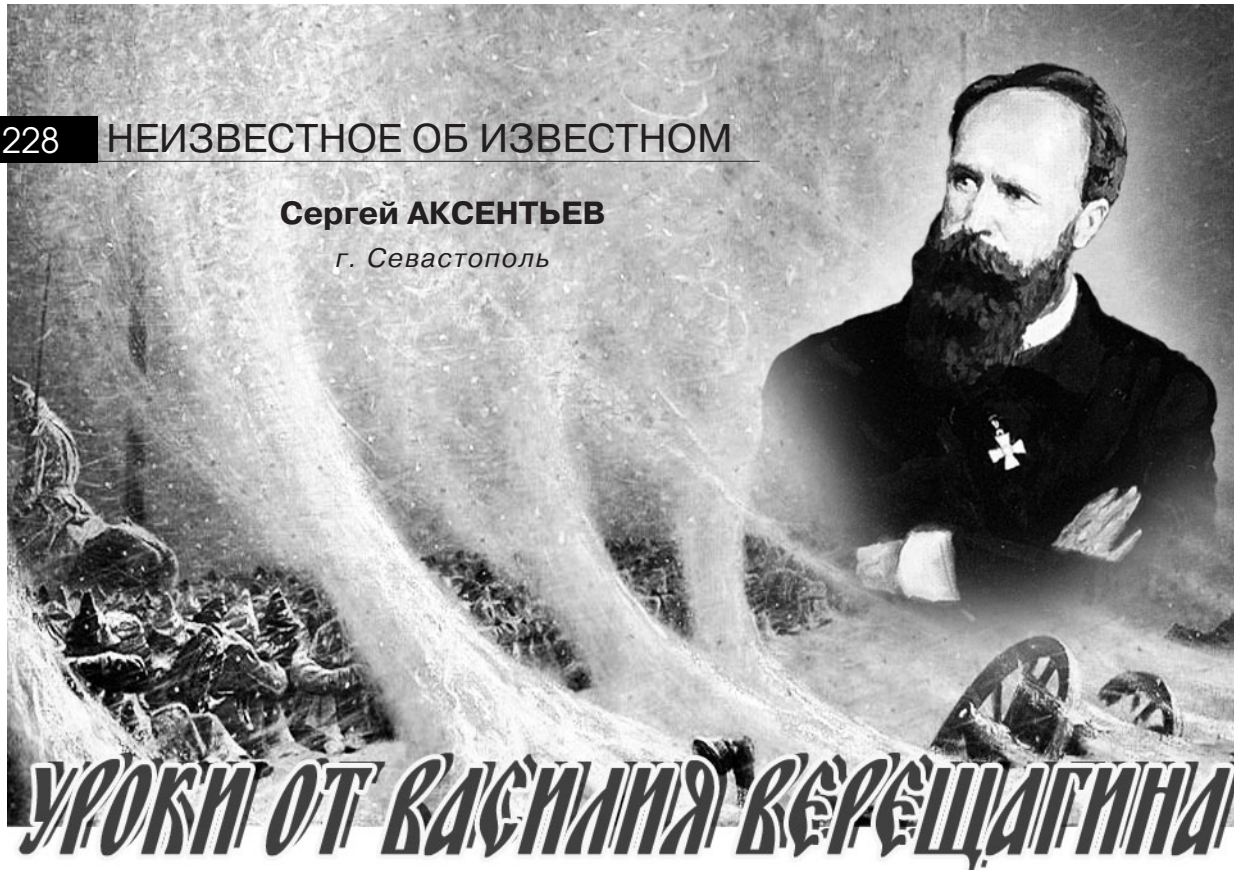

Сергей АКСЕНТЬЕВ

г. Севастополь

(Из дневников и записных книжек художника)

Если заходит речь о выдающихся русских художниках, мы непременно вспоминаем Василия Васильевича Верещагина, 175-летие которого недавно отмечали в России. Жизненные, художественные и эпистолярные грани таланта, внутренний мир и философию творчества одного из самых ярких, своеобразных и противоречивых знаковых личностей второй половины XIX века еще только предстоит раскрыть.

Все знают Василия Верещагина как непревзойденного мастера остросюжетных военных этюдов и полотен, прекрасного живописца, автора индийских и японских сюжетов, лирического певца незабываемых крымских пейзажей.

Но мало кто знает, что Василий Верещагин был и прекрасным публицистом. Его дошедшие до нас заметки, путевые наброски, дневниковые записи и воспоминания поражают точностью оценок виденных и пережитых событий, безупречны как исторические факты и служат прекрасным поводом повнимательнее всмотреться в реалии окружающей нас жизни. Для примера давайте перелистаем лишь несколько его дневниковых записей и путевых набросков, и я уверен, вы откроете для себя неведомого ранее Василия Верещагина.

«У вас в России...»

В начале июня 1869 года военное командование направляет прапорщика-художника Василия Верещагина «по курьерской надобности» в Туркестан, откуда он год назад (июнь 1868) возвратился кавалером ордена Георгия 4-й степени за оборону Самарканда. На этот раз путь в Ташкент лежал по Сибирскому тракту и Семиречью вдоль китайской границы. Северный маршрут был выбран не случайно. После завоевания среднеазиатских территорий особую остроту приобрел вопрос быстрого их освоения и вовлечения в полнокровную хозяйственную деятельность Российской империи, и Верещагину, наряду с этнографическими зарисовками, художественной фиксацией быта гарнизонов и боевых действий ставилась задача ознакомиться с ситуацией на приграничных с Китаем территориях.

За Уралом ухо художника резануло отовсюду слышимое: «у нас в Сибири» – «у вас в России». На замечания о едином государстве с общими для всех законами ответ следовал один: «У вас в России много законов, а у нас в Сибири только два – двадцатипятирублевый и сторублевый».

«Можно понять, – возмущается Верещагин, – услышав такое в Туркестане, на Кавказе, в балтийских

или польских провинциях – там оно имеет смысл; в устах же обитателя Сибири, где население чисто русское, оно непонятно. Само же выражение сибиряка «у вас в России» как нельзя более наглядно доказывает разобщенность огромного края».

Еще одно неожиданное открытие сделал путешественник – засилье в Сибири преуспевающих поляков – потомков сосланных польских раскольников и участников мятежей. «В городе Иртыше и других местах по дороге, – записывает он в свой походный дневник, – я покупал хорошую колбасу и вестфальскую ветчину, приготовленную польскими пани; ел в гостинице хорошо приготовленные поваром-поляком котлеты и, наконец, чинил свой тарантас, хорошо и недорого, в кузнице у поляка. Конечно, в этом нет ничего предосудительного, но все-таки желательно, чтобы колбаса, ветчина и курки (шкворни) к тарантасам делались хоть и менее искусно, русскими людьми». Развивая эту мысль, он утверждает, что сибирские и туркестанские просторы следует заселять добровольцами из среднероссийской глубинки и срочно строить железную дорогу в Сибирь и Туркестан, гарантированно обеспечив тем самым надежный товарооборот этих районов с центром России, а при необходимости – оперативную переброску большого потока войск во взрывоопасные приграничные точки. «Не для Сибири только нужен сибирский железный путь, – пишет он в своих «Очерках». – Но едва ли еще более для бывших северных провинций Китая, теперь принадлежащих нам и с которыми правильное сообщение с Россией возможно покамест лишь морем». И совершенно справедливо полагает: «Там, где наш солдат косит сено, а казак поит своего коня, земля хотя и завоеванная нами, еще не вполне наша. Но там, где пашет наш крестьянин, там Россия». Для этого нужно вкладывать в эти регионы большие средства и, что особенно важно, иметь эффективный и непрерывный контроль над тем, как, куда и на что они расходуются. Он приводит пример Екатерины II, которая «издержала на 20000 колонистов-немцев около 20 миллионов теперешних рублей – естественно, что так заботливо пересаженные фруктовые деревья (*т.е. трудолюбивые, рачительные и честные немцы. – Авт.*) отлично принялись и пустили крепкие корни. Есть все вероятие думать, что и русские, если им дать средства, удобства переезда, семян, земледельческих орудий и денег, процвели бы не хуже при условии, что все эти блага шли действительным труженикам, а не местным чиновникам, способным только воровать и стяжать. К сожалению, – отмечает автор, – с нашими переселенца-

ми дело обстоит иначе, и нередко приходится видеть их замученными формализмом, возвращающимися на старые пепелища оборванными, голодными, вконец разоренными».

Восток – дело тонкое

Небывалый взрыв пьянства и разврата в среде туземного люда, забитого ханским гнетом, запуганного канонами шариата и внезапно раскрепощенного, стал на многие годы головной болью устроителей нового Туркестана. Вот как описывает эту ломку свидетель тех событий: «Как только кази-раис с его плетью, нещадно бившей раньше туземца за пьянство, за несоблюдение поста и за непосещение мечети, оказался упраздненным, люди, увидев себя свободными и более не наказуемыми, дали волю своим вождениям. Мужчины толпами пошли в открывшиеся нами питейные заведения. В праздничные дни нельзя было выйти на улицу из-за пьяных туземцев, носившихся по русским и туземным городам, развалясь в извозничьих экипажах, с громкими и не всегда пристойными песнями в подражание русским пьяным мастеровым и солдатам. Повсеместно усилилось воровство, торговые обманы. Жены уходили от мужей, а дочери от родителей и поступали в дома терпимости, издеваясь над теми, кто еще несколько дней тому назад мог вывести их за город и побить камнями. Мечети стали пустеть». Не зря старик аксакал, у которого остановился на постой Верещагин, жаловался на новые порядки: «Последние дни приходят!» – говорит он и машет отчаянно рукою. «Что так?» – «Да как же! Чего же еще ожидать, и жену свою муж не поучи: станешь бить – страшает, что к русским уйдет...»

Ещё одним рассадником зла были ташкентские календарханы. Как выяснил Верещагин, это смесь приютов, убогих кафе-ресторанов и клубов. Желаящий покурить нашá или, еще более, запретного опиума и стыдящийся или не имеющий возможности заводить эти вещи дома идет в календархане. Пьяница отводит свою душу кукнаром также в календархане. Разных новостей, как это можно себе представить, между бродягами-диванами не переслушаешь; поэтому народа болтающего, курящего, пьющего и спящего всегда немало. «Мне случалось, – сообщает автор очерков, – встречать там лиц довольно почтенных, которые, впрочем, как бы стыдились того, что я, русский тюра (*победитель. – Авт.*), заставлял их в компании опиумоедов и кукнарчей».

В таких же грязных каморках, устланных и обитых циновками, располагаются и опиумокурильни. Курильщик ложится на пол и тянет из кальяна дым от

горящего шарика опиума, который маленькими щипчиками придерживается у отверстия кальяна. «Одурение от курения опиума, – по мнению Верещагина, – едва ли еще не сильнее, чем от приема его внутрь; он отнимает сон натуральный, укрепляющий; зато, говорят, он дает сны наяву, сны беспокойные, скоропреходящие, галлюцинации, сменяющиеся слабостью и расстройством, но приятные». Видя, с какой охотой пристращается к этому зелью российская военная и гражданская молодежь, Верещагин с тревогой предупреждает: *«Едва ли можно сомневаться, что в более или менее продолжительном времени опиум войдет в употребление и в Европе; за табаком, за теми приемами наркотиков, которые поглощаются теперь в табаке, опиум естественно и неизбежно стоит на очереди».*

Осмысливая увиденное и пережитое в Туркестане, Василий Васильевич с высоты прожитых лет пытается дать оценку этим событиям. «Известна история завоевания Туркестана, – читаем в его записках. – Каждый новый начальник считал своею обязанностью поиграть в солдатики. Взяли города Туркестан, Чемкент, Аулие-Ата (*Тараз. – Авт.*) для соединения с Оренбургской и Сибирской линиями укрепления, Ташкент прихватили в придачу: Ходжент в этой комбинации оставался в стороне, и его можно было бы оставить в покое, но как его оставить, коли он плохо лежит, – взяли и Ходжент. Ура-Тюбе, Джизак, Самарканд, а с ними и Кокандскую область взяли также только потому, что плохо лежали, надобности в них особой не было. Теперь, с присоединением к нам таранчей (земледельцы мусульмане Илийской долины, выселенные китайцами из Восточного Туркестана во второй половине XVIII столетия для развития землепашества), имеем по всей необъятной границе нашей фанатичное мусульманское население, ждущее только случая показать свои зубы». Автор задается резонным вопросом: а зачем нам вообще нужны были эти дикие, навсегда враждебные окраины? «Еще был бы смысл, – размышляет он, – в этих страшно дорогостоящих расширениях территории, если бы имелось в виду воспользоваться ими для демонстрации нашей силы против европейских врагов, но трудно думать, чтобы когда-либо решились утилизировать (*здесь в значении «употребить с пользой».* – *Авт.*) новые границы в этом смысле». Тут автор не без умысла приводит байку о безграничной охоте русского человека к перемене мест, рассказанную ему на берегу озера Иссык-Куль женщинами-переселенками из Тамбовской губернии. Мужики, по их словам, все никак не могли выбрать удобного места для оседлости и как ни пробовали жены уговорить их наконец остановиться, все без толку: «Идут себе мужики, а

куда, сами не знают, просто тянет их вперед, да и баста». Наконец пришли к снеговым горам, окаймляющим с востока Иссык-Куль, и жинки взмахнули руками от радости: «Слава тебе Господи! Останутся теперь муженьки, некуда идти дальше, в самые белки уперлись...»

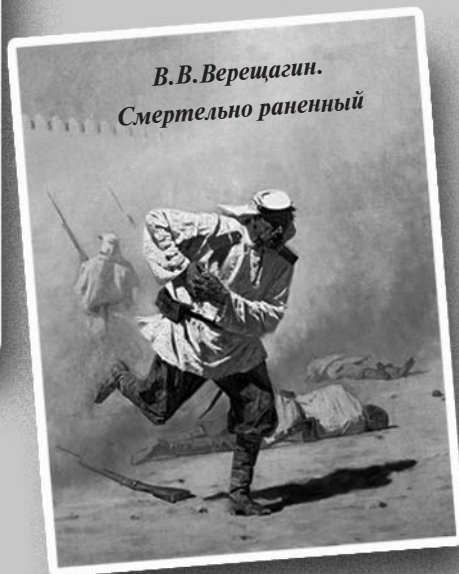
Кадры решают всё

Как ни был строг генерал-губернатор Туркестанского края Константин Петрович фон Кауфман к подбору людей в свою экспедицию, не все назначения оказались удачными. Первым, с кем пришлось расстаться, стал управляющий канцелярией генерал-губернатора генерал А.И. Гомзин. Гроза мелких чиновников, вершитель всех кадровых назначений и перемещений, обожавший лесть и подношения, этот генерал оказался напрочь лишеным инициативы и творчества. Его пришлось отстранить от ведения дел и заменить камер-юнкером Савенковым. Верещагин сообщает, что этот молодой человек, честолюбивый, умный, быстро схватывающий суть любого дела, заслужил особое доверие Константина Петровича, но и он, всегда корректный и вежливый, оказался первостатейным мошенником. Дело было так: Кауфман давно вынашивал мысль создать собственное коннозаводство в Туркестанском крае. Со своей задумкой он поделился с Савенковым. Тот моментально ухватил идею и вскорости доложил генерал-губернатору, что недалеко от Ташкента имеются обширные пустоши, вполне пригодные для осуществления задуманного. Земли без особых затрат можно оросить и, передав на льготных условиях частным лицам, создать кооперативное коннозаводство.

Получив одобрение шефа, Савенков через неделю представил Кауфману проект устава, размеры паев и прочие организационные документы. Константин Петрович, увидев, что дело затевается грандиозное, поддержанное военным губернатором Сыр-Дарьинской области генералом Головачевым и начальником Кураминского уезда полковником Гюсом, дал разрешение на отчуждение указанных в документах площадей. Однако скоро обнаружилось, что земли эти вовсе не бросовые, а культурные. На них испокон веку проживало многочисленное население, которое теперь сгоняется с насиженных мест и ищет защиты у нового военного начальства. Следственная комиссия, созданная по приказанию К.П.Кауфмана, подтвердила факт «незаконной скупки крупных земельных участков группой господ «ташкентцев» во главе с начальником Кураминского уезда полковником Гюсом,

Портрет
К. П. Кауфмана

В.В.Верещагин.
Смертельно раненный

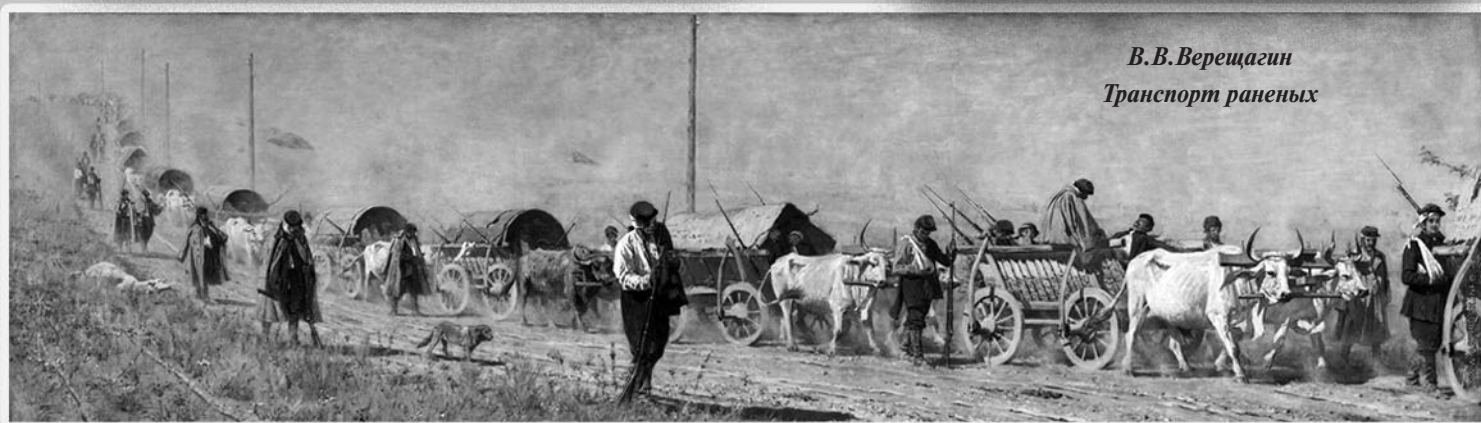
В.В.Верещагин.
Девушка казашка

В.В.Верещагин.
Гималаи. Главная вершина

В.В.Верещагин.
Опиумеды

В.В.Верещагин
Транспорт раненных

сыр-дарьинским генерал-губернатором генералом Головачевым и камер-юнкером Савенковым». По приказу Кауфмана Головачев был отстранен от власти «за бездействием», Гююс отрешен от начальствования в уезде, а главный виновный Савенков «с лишением чинов» сослан в Сибирь.

Но человек по своей природе хитер и изворотлив. Особенно в делах личной наживы и там, где карающая рука либо занята другими проблемами, либо излишне доверчива к своим подчиненным.

После отставки Гююса Кураминский уезд принял полковник Колзаков, вместе с Кауфманом прошедший Кавказ и зарекомендовавший себя как человек редкой энергии и распорядительности, но, как оказалось, ещё и умевший виртуозно «втирать очки в глаза начальству», аккуратно пополняя свой карман поборами с подчиненных туземцев. В его руках все население уезда мгновенно стало шелковым. И когда бы Кауфман ни приехал к Колзакову, он неизменно встречал «аманлык и тыншалык» (мир и покой).

Однажды Колзаков, чтобы поразить генерал-губернатора тем, как быстро под его управлением проникает цивилизация в мусульманскую среду, доложил, что в его уезде многие знатные туземки уже ходят с открытыми лицами. Кауфман усомнился. Тогда Колзаков вызвался пригласить некоторых из них от имени Кауфмана на бал, который давал генерал-губернатор в своем дворце. И действительно, среди многочисленного общества, собранного гостеприимным хозяином, появилась группа милых молодых скромных туземных женщин, одетых в национальные костюмы, с открытыми лицами. Кауфман, взволнованный таким значительным успехом своего управления краем, в память первого присутствия в его доме туземок, решившихся открыть свои лица, одарил женщин серебряными кубками с надписью «от Туркестанского генерал-губернатора». А на следующий день в кабинет Константина Петровича явился начальник штаба полковник Михаил Раевский с кубками, подаренными накануне прелестным туземкам растроганным генерал-губернатором. На вопрос изумленного Кауфмана: «Откуда они у тебя?» Раевский доложил, что кубки за бесценок скупил у вчерашних туземок, одаренных на балу, и что прелестные скромницы вовсе не знатные сартянки, а местные проститутки из ташкентских публичных домов, нанятые за плату Колзаковым. Дознание это подтвердило, а заодно выяснилось, что начальник Кумаринского уезда нечист на руку, часто путает казенные деньги с личными и тратит их не на обустройство уезда, а на свою персональную представительность. С этим ловкачом тоже пришлось расстаться.

Методом проб и ошибок формировалось ядро

преданных делу людей, готовых брать на себя ответственность решать сложные задачи и делить со своим генерал-губернатором и горечь поражений, и радость побед. От этого авторитет Кауфмана в крае стал непререкаем. Он это знал и никогда не злоупотреблял своей неограниченной властью.

Если завтра война?

Оборона самаркандской цитадели 2-8 июня 1868 года горсткой отважных солдат и офицеров (658 человек защищались от 65000 нападавших) не только проявила отчаянную храбрость оборонявшихся, но и вывернула неприглядную изнанку некоторой части воинства. Вот солдатик, получивший пулю в ребра, бросив ружье, схватился за грудь, кружится, выкрикивая: «Ой, братцы, убили, ой, убили! Ой, смерть моя пришла!», а ему в ответ товарищ сочувственно говорит: «Что ты кричишь-то, сердечный, ты ляг!» Но бедняга уже ничего не слышит. Он падает навзничь, чтобы уже никогда не подняться. Его ружье и патроны подхватывает Верещагин и бросается на врага, увлекая растерявшихся солдат. Подоспевший майор Альбедиль принимает команду у Верещагина, но вскоре тоже сраженный вражеской пулей падает наземь, продолжая отдавать четкие команды солдатам, и они, видя мужество своего командира, держатся молодцами. Позже под впечатлением этих событий Верещагин создаст великолепные художественные полотна «Смертельно раненный» и «Окружили – преследуют».

Но рядом с отвагой в эти критические дни проявилось и двуличие некоторых запаниковавших офицеров. Эти соискатели боевых наград, потеряв самообладание в решающий момент обороны цитадели, в присутствии солдат начали злобно хулить Кауфмана, бросившего их, как они считали, на растерзание озверевшей дикой орде. Когда же выпущенная в воздух ракета возвестила о приближении командующего, спешащего на выручку заложникам, эти же люди первыми кинулись восхвалять мудрость и прозорливость своего полководца и бурно начали обсуждать, на какие награды они теперь могут рассчитывать. Честный и прямолинейный Василий Верещагин без обиняков заявил об этом генералу Кауфману во время торжеств по случаю освобождения Самарканда. О том, как это произошло, рассказал сам Константин Петрович: «Я был очень взволнован, выйдя приветствовать этих героев – больных, раненых, утомленных, но в течение шести дней осады не ослабевавших в мужественном исполнении своего долга. <...>Раздавая награды сообразно заслугам

каждого, я вызвал и Верещагина. Он быстро выступил, близко ко мне подошел и буквально, что называется, огорошил меня такой речью: «Ваше высокопревосходительство! Когда наступила на нас беда в Самарканде, то все мы говорили: вот лысый черт ушел, а нас оставил тут погибать. Но когда мы услышали о ваших победах, когда взвилась ракета, предупреждавшая о вашем приближении, все в один голос закричали ура славному генералу...» В толпе, меня окружившей, послышался гул негодования. На минуту и у меня мелькнула мысль: военное время, прапорщик запаса, нарушение дисциплины... последствие ясно. Но передо мной стоял человек в сером пиджаке, один из тех типичных шестидесятников, которые любили рисоваться утрированной неблаговоспитанностью, да притом еще – талантливый художник. И этот же человек был храбрым защитником крепости».

А вот как описывает Верещагин Балканскую войну (1877–1878) и в частности бездарный штурм русской армией Плевны 18 июня 1877 года, закончившийся потерей убитыми и ранеными четверти боевых офицеров и почти четверти нижних чинов, стоявших под ружьем.

«Разгром, – пишет в своем дневнике Верещагин, – был так велик, что его трудно себе и представить. Это было не отступление, а беспорядочное бегство, разброд. Не случись Скобелев, не прикрой он с одним батальоном и казаками отступавших, разгром мог бы обратиться в истребление...<...> Паника, последовавшая за поражением, не поддается описанию. Довольно было слов: «Турки наступают!», чтобы большой транспорт раненых был брошен погонщиками, прислугою и даже большою частью докторов и сестер милосердия, убежавших без оглядки от воображаемых турок».

Анализируя случившееся, Верещагин утверждает: «Утрата веры в свою силу с одной стороны и утвердившаяся страхом уверенность в непобедимости неприятеля – с другой, переходят в панику не только в обозе, но и в самых войсках». И лишь сильные, находчивые и хладнокровные личности типа Скобелева, который по примеру Суворова, встречая озверевшие от страха толпы бегущих солдат, кричал им: «Так, братцы, так, хорошо! Заманивайте их! Ну, теперь довольно! Стой! С Богом, вперед!» Но, к великому сожалению, и в военном деле генерал-артист встречается реже, чем генерал-ремесленник».

...Судьба проложила жизненную тропу Василия Верещагина через все войны, которые вела Россия во второй половине XIX века. Оставаясь формально гражданским свободным художником, он непременно состоял при ставке верховных главнокомандующих, имел обширный круг знакомых

среди высокопоставленных офицеров, многое слышал, видел и знал. Да и сам не единожды бывал в боевых походах и сражениях.

В 90-х годах на Филиппинах стал свидетелем впервые примененного американскими командос на практике метода «выжженной земли» – варварского поголовного истребления гордого и свободолюбивого филиппинского народа, отстаивавшего свою независимость. Ему довелось состоять в приятельских отношениях с американскими президентами Гровером Кливлендом и Теодором Рузвельтом. С последним особенно подружился при написании в 1902 году картины «Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот». Имел он и большие связи среди высокопоставленных особ в британской столице.

...В ночь с 26 на 27 января 1904 года японская эскадра вице-адмирала Того без объявления войны на внешнем рейде Порт-Артура атаковала российские броненосные корабли «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». А вторая японская эскадра адмирала Урно в это же время в бухте Чемульпо потопила крейсер «Варяг» и взорвала канонерскую лодку «Кореец». Война стала жесткой явью.

Трагические события потрясли недавно возвратившегося из Японии Василия Верещагина. Он добивается разрешения незамедлительно следовать с армией на Тихий океан и 28 января 1904 года в отдельном вагоне поезда великого князя Бориса Александровича (внука императора Александра II) отправляется на дальневосточный театр боевых действий, дав официальное заверение «не печатать ничего о военных действиях, а если и рассказывать о каком-нибудь выдающемся деле, то с ведома высшего начальства». С пути следования сообщает супруге: «Мне дали целый вагон – микст, с которым могу прицепляться к какому хочу поезду и останавливаться где мне нужно. Там мои вещи, там я живу, <...> в нем кроме проводника еще денщик из стражи, даже варящий мне борщ».

Из Мукдена, куда прибыл Верещагин, встречавшийся с ним журналист Николай Кравченко сообщает: «Жил он в вагоне, а где и как работал, никто не знал. Он вообще не любил говорить о своих работах заблаговременно, а в последнее время в особенности...»

Искренне и живо болев за Россию, за ее безопасность и суверенитет, Верещагин с пути следования не единожды обращается с личными посланиями к российскому императору Николаю II, указывая на безобразное состояние наших войск, береговых фортов и болтливость офицеров. Но особенно заостряет внимание царя на важность в этот тяжелейший для России момент выверенных и

взвешенных шагов как в вопросах азиатско-индийских проблем, так и в вопросах российско-американских отношений.

В одном из первых обращений к государю (3 февраля 1904 г.) он предостерегает: «Позвольте заметить вашему величеству, что намерение ваше наконец покарать вероломство англичан походом на Индию может вызвать недоразумение в этой стране. <...> Пора действительно обуздать заносчивость и нахальство англичан, третирующих нас как отребье человеческого рода. Но, ваше величество, одно дело – известие в Индии о том, что белый царь решился наконец освободить ее, а другое дело – оповещение о намерении России покорить ее. Если первое известие вызовет общий энтузиазм, то второе – непременно желание всем соединиться против нашествия, так как какая нужда князьям и народам Индии менять господ англичан на господ русских? То же и относительно Афганистана: известие о нашем походе на Герат, которого они давно боятся, озлобит всю страну, тогда как известие об освобождении Индии в союзе с Афганистаном сделает наш переход через горы легким. Афганистан должен слышать о том, что мы хотим сделать его сильнее, как естественный барьер против ненасытного корыстолюбия и дерзости Англии, и желаем удовлетворить его давнишнее желание подарком Кашмира и Ладака. Я был в Гималаях до самых соленых Тибетских озер и могу дать вашему величеству много ценных сведений. Я считал бы за большую честь, если бы ваше величество выслушали меня по некоторым другим вопросам, мне вполне хорошо известным».

В этом же письме он обращает внимание императора и на американцев: «Позволяю себе также сказать вашему величеству, что я пробыл в последнее время больше года в Америке и, будучи личным другом президента Рузвельта, знаю цену как ему, так и многим американцам, и должен заметить, что поведение их против нас прямо вражеское. Нахальство и дерзость их начинают тоже выходить из пределов дозволенного. Я полагаю, у них намерение под первым предлогом, по почину Англии и под видом расположения к вам, остановить вашу справедливо занесенную руку над японцами – перед открытием выставки в Сен-Луи (май-декабрь 1904 г.), в которую заложены миллиарды американских денег и неуспех которой разорит множество американцев. Помимо того, что нам нечего бояться американцев, как и англичан, я думаю, что, имея в руках успех или неуспех их всемирной выставки, ваше величество может говорить с ними коротко, властно и твердо. Покажите, ваше величество, американцам, что легко потерять дружбу России, как они с легким сердцем сделали, но воротить ее будет трудно».

И, наконец, сообщает о Японии: «Я только что воротившись из Японии и сожалею, что не имел случая лично доложить вашему величеству о полной уверенности в том, что в умах японцев война была неизбежно решена. Теперь, когда «совершилось» и флот наш так жестоко пострадал, горько думать, что сухопутные силы могут подвергнуться той же участи. Предполагая даже, что японцы не прервут железнодорожный путь, не навалятся с превосходными силами на войска, расположенные на Ялу, не предпримут никакой каверзы против Порт-Артура, что сомнительно, надобно допустить, что они покроют всю Корею сетью фортов, за которыми с 300000 человек хорошего войска в дикой бездорожной стране будут почти непобедимы. Простите, ваше величество, мою смелость, если я прибавлю: где же была высшая предусмотрительность накануне объявления войны, в памятную ночь, когда Россия получила такую обиду от горсти японских храбрецов-плутов? Где были наши многочисленные миноноски со своими храбрыми командирами? Почему они еще не решаются взрывать японских судов? Почему не жгут Цуругу, Иокагаму и другие японские города и тем не отвлекают японские силы, не вызывают в Японии панику, долженствующую привести ее к «смирению»? Простите, не выщипайте и примите уверение в моем глубоком уважении и беспредельной преданности. В. Верещагин».

К сожалению, аудиенция не состоялась, а все пять отправленных императору писем с пути следования на Восток не дошли до адресата. На них нет даже обычных в таких случаях канцелярских регистрационных пометок. Скорее всего, придворная камарилья решила «не выносить сор из избы» и избавить императора от нелюбимой правды о случившейся беде.

...Но не только политика, войны и судьбы покоренных народов волновали Василия Верещагина, с не меньшей яростью праведного гнева обрушивался он в своих публикациях на нерадивых хранителей истории Государства Российского. Будучи весной 1896 года на отдыхе в Крыму, Верещагин посетил знаменитый Бахчисарайский дворец и был до крайности возмущен неумелым и безобразным ремонтом, грубо искажившим облик одной из крымских исторических жемчужин.

Реакция на это безобразие последовала незамедлительно: «Милостивый государь, – обращается к редактору газеты, – позвольте мне через посредство Вашей уважаемой газеты обратить внимание кого следует на несчастное состояние Бахчисарайского дворца. Возобновленный после миниховского погрома (пожар, устроенный без всякой

военной надобности прорвавшимся в Бахчисарай царским фельдмаршалом Минихом в 1736 году. – **Авт.**), он, вероятно, не имел прежнего значения в художественном отношении, но все-таки представлял характерную постройку, имевшую воспитательное значение для многих поколений населения Крымского полуострова – и давать ему опускаться до теперешнего несчастного, лубочного состояния не следовало. Не далее как год тому назад, если не ошибаюсь, заведующий дворцом распорядился поручить местному маляру расписать дворец снаружи, и тот расписал: по белой известке вывел всеми цветами радуги всевозможные вазы с цветами и фруктами такой силы, что глазам больно! – лубочность не может идти дальше».

Вот таким был Василий Васильевич Верещагин – живописец, литератор и гражданин. Что же до оставленного нам его эпистолярного наследства, то этот кладезь мудрости и опыта, сегодня мало кому, кроме специалистов, известный, таит в себе много неразгаданного и неожиданного в его трудной, героической и прекрасной судьбе. Читать его литературные записи захватывающе интересно, а по прошествии стольких лет ещё и чрезвычайно поучительно.

Библиография

Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. С рисунками. – СПб : Типография Министерства Путь Сообщения, 1883.

Верещагин В. В. Листки из записной книжки художника. – М.: «Русские ведомости», 1898, 22 сентября, №201; 24 сентября, № 203. Сибирская железная дорога. Колесный и санный путь. Фельдъегеря.

Водворение русской власти в Средней Азии – Военный сборник №8, 1868. 7.

Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1990.

Лурье С.В. Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья. «Восток», 1993, № 3. Кадников В.С. «К.П. Кауфман и В.В.Верещагин». ЦГАЛИ, ф.718, оп. 2, ед.хр.6, с. 4,5.

Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина /Репринтное издание. – М. : ДАРЪ, 2007.

Верещагин В.В. Избранные письма/сост. А.К. Лебедев. – М.: Изобразительное искусство, 1981.

Кравченко Н.И. Последние дни и смерть В.В. Верещагина. Воспоминания. СПб, 1904.

Письма В.В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г. – «Красный архив»/исторический журнал. Т. 45, 1931 – М-Л.: Госсосоэкономиздат.

Газета «Крымский Вестник», 1896, 11 мая.

□

Сергей Терентьевич АКСЕНТЬЕВ

родился в 1940 году в Челябинске.

Кандидат технических наук, доцент.

Член Союза журналистов России,

действительный член Русского географического общества.

Автор более ста научных работ,

авторских свидетельств и патентов на изобретения,

восьми художественно-исторических книг.

Публиковался в журналах «Наука и жизнь»,

«Техника молодежи», «Наука и техника»,

«Наука и религия», «Север» и других.

